

Восточная блондинка

Так охарактеризовала себя она сама

ОНА СТАЛА героиней сегодняшней рубрики, приехав в Магнитогорск участницей спектакля «Любовь без правил». Елена Кондулайнен — одна из женщин, на интервью к которой идти было страшновато — черт ее знает, что она может выкинуть, судя по ее имиджу! Ну еще бы: и разделась-то в кино она первой в России, и Партию любви создала — причем любовь в данном случае воспринимается в плотском ее значении, и с голой грудью по Москве, помнитесь, гуляла — мрак, одним словом! Но Елена Кондулайнен оказалась очень глубоким человеком и — только не удивляйтесь — очень скромной женщиной.

Была уверена, что до спектакля она говорить откажется: любая «прима в возрасте» перед журналистами желает выглядеть на все сто — загримированной, одним словом. Осторожно стучимся в дверь гримерной. Слышим приветливое: «Пожалуйста!» Протискиваемся, пытаюсь закрыть собой дверной проем от взглядов мужчин — фотокорреспондента и главного редактора «ММ», — Елена Ивановна перед зеркалом, лицом, что называется, «в неглиже». Но она радушно пускает нас, заметив со смехом: «Не забывайте: я участвовала в «Последнем герое!» Единственная просьба — фотография «при параде». Соглашаемся, рассказываемся.

— Последняя статистика, прочитанная мною: 40 фильмов на вашем счету?

— Уже 50, и сейчас я снимаюсь. Скоро на экраны выходит молодежный сериал «Служба 21», в котором я сыграла саму себя: лидера Партии любви — в ярком костюме, в имидже женщины-вамп. А в другом сериале «Сеть» я сыграла маму хакера — пьющую женщину.

— Вот до чего дошли!

— Да, и мне это нравится. Я начинала как драматическая актриса, причем была, что называется, интеллигентной актрисой — это картина «На муромской дорожке». А потом были «Сто дней до приказа», где я снялась обнаженной... И я поняла, что этот эпатажный, разгульный образ очень идет нашей России: наш народ любит выпить, загулять, попеть песни...

— Да уж, рамки нам неведомы.

— Конечно! Говорят ведь: душа развернулась. А у меня был выстроен совсем другой образ, который, как я думала, никогда не сделает меня народной! — не в том смысле, что мне не присвоит это звание, — просто я очень хотела, чтобы меня узнал и полюбил народ. И разгульная Кондулайнен пригласил по душе, меня полюбили в бесшабашном образе.

— Но когда-нибудь выбранный образ превращается в штамп, который тяготит и его носителя. Вы не устали носить титул секс-символа?

— Нет. Был период, когда мне пришлось отказаться от него, потому что мои мужья были против.

— Неужели такая яркая женщина может пойти на поводу у мужчин? Или вы считаете, что глава дома — муж?

— Безусловно — я вообще восточная женщина. Кстати, у меня был интересный случай: должна была сниматься в главной роли в японском фильме. А тогда выходила замуж первый раз и поделилась своими планами с японской съемочной группой. Меня очень тепло поздравили. На следующий день мне звонит наш представитель и говорит: «Лена, ты что натворила?» Оказывается, в Японии принято: если женщина выходит замуж, она сразу покидает сцену и посвящает себя семье. И они, естественно, посчитали, что я, сообщив о своем замужестве, отказываюсь сниматься в фильме. Я с этой точкой зрения согласна: либо ты целиком и полностью принадлежишь искусству, либо ты целиком и полностью отдаешься семье. Искусство — это прежде всего энергия,

гипноз... И потом, народ у нас любит эффект присутствия. Вот артист уезжает в ту же Америку: он перестает здесь отдавать частичку себя, а значит, перестает гипнотизировать публику и пропадает — как говорится, с глаз долой — из сердца вон. Так что, когда я вышла замуж, я на пять лет ушла со сцены.

— Боясь задавать следующий вопрос: если вы вернулись в искусство и так активно стали заниматься своей работой, значит...

— Да, совершенно верно: семья моя распалась полтора года назад, я вернулась на сцену — и сразу же окунулась в море работы. Ее до такой степени много, что я уже немного хочу от нее отойти. Но остановить бег пока не получается: меня не так давно обокрали, так что пока приходится элементарно восполнять финансовые пробелы. Но вообще есть желание отойти от театра: я хочу сниматься в кино и заниматься песенным творчеством.

— Хотите найти продюсера?

— Нет — я хотела «пустить» на раскрутку себя как певицы деньги, которые мне удалось заработать на съемках в кино. Но меня обокрали. Так обидно! Я так откровенна с народом, так люблю его, но воров это, как оказалось, не трогает.

— В России жестокий народ, и не только воры. Откровенность у нас воспринимается минимум как чудачество — в плохом смысле этого слова.

— Да уж, вы правы абсолютно.

— Вы поэтому изменили манеру поведения с журналистами?

— Я заметила, что раньше вы были в своих интервью весьма откровенны, а сейчас держите строгие рамки, как бы следите за каждым словом, вот и сейчас как будто подбираете слова?

— Да, именно поэтому. Люди действительно жестоки. Даже в моей ситуации: они как бы довольны тем, что меня обокрали! Я смеюсь, а они со злостью спрашивают: «Ну чего тебе так весело? Тебя же обокрали!» А я желаю тем, кто это сделал, здоровья и счастья.

— Эта мудрость врожденная или приобретенная с годами?

— Наверное, врожденная. Мама в детстве говорила мне: «Самое главное, чтобы не война». Ведь когда можешь потерять жизнь, у тебя действительно ничего не остается. Мне рассказывали, как во время войны моя мама бегала по полям, скрываясь от бомбежек. Так что, боже мой, я хорошо живу: у меня квартира, машина — ну подумаешь, разбила ее недавно — у других вообще ее нет, и бить нечего, а я вот могу позволить себе такую роскошь.

— В ваших интервью часто встречается фраза: «Я не имею права раздражаться на других людей». Я всегда завидовала тем, у кого так получается жить.

— Да просто потому, что, как говорит Библия, если будешь судить, то и сам будешь судим тем же судом, если не хлеще. Каждый человек имеет свое мнение, у всех одна жизнь, и все хотят прожить ее так, как хочется. И я должна уважать и человека, и его мнение, ведь я тоже требую уважения к моим словам, поступкам...

— А если не уважают?

— У меня есть песня, в которой такие слова: «Господи, прости моего врага за то, что он убил меня». Понимаете?

— Нет, я не понимаю — мне эти высшие материи недоступны, я примитивно отвечаю злом на зло. Толстовское непротивление злу насилием пока не для меня.

— Вы с возрастом к этому придете. Просто я верующий человек: у меня вся семья была верующая, меня в раннем детстве крестили тайком от властей...

Наш диалог своим вопросом прервал главный редактор «ММ»:

— Ваши партнеры — Сергей Глушко и Никита Джигурда. Как вам играется с одним и с другим? Они ведь очень разные люди, как мне кажется...

— Сережа, конечно, еще не обладает таким опытом, как Никита, но у него большой потенциал. У Никиты очень мощная энергетика, поэтому, когда он выходит на сцену, все артисты чувствуют себя рядом с ним как бы на втором плане. Но я женщина, у меня есть свои секреты сценические. А в Сереже, наоборот, есть некая закрытость, сдержанность, он очень колоритно смотрится на сцене. Это два совершенно разных типажа, и это интересно — играть с ними обоими. У нас полное совпадение энергетик — мы как бы одной пробы: в одну сторону смотрим — это бывает очень редко.

— То есть профессиональное утверждение некоторых актеров: отбрось все личное и просто играй, — не для вас? Если вы не любите актера-человека, он может стать вашим хорошим партнером?

— Нет, это не для меня! Мы очень сыгрались в одном спектакле с Игорем Ливановым, так тонко чувствовали друг друга... А потом приходит другой артист, и мне все время кажется, что он все делает не так: идет, говорит, стоит...

Королева везде должна быть королевой, даже в убогой гримерке

Конечно, это опыт, который помогает и тебе высветить новые грани своего образа, но для этого нужно время — притирка так называемая. Вообще, я считаю, в театре дано играть не всем — не то что в кино. Там, по-моему, могут сниматься даже простые люди с улицы.

— Елена Ивановна, такая роскошная вы и такая нероскошная гримерка! Не конфузитесь?

— Вы забыли, в какой стране мы живем? Театры в полной нищете, как от них требовать роскоши? Я вам так скажу: королева везде должна быть королевой, даже в убогой гримерке.

— В вас прослеживается интересное сочетание веры в собственные силы и в судьбу. Как вы считаете: все на роле написано или сам все делаешь?

— Главное — не гневить Бога, и тогда он вам все даст.

— У вас растут два сына. Что главное нужно вложить, по вашему мнению, в будущих мужчин?

— Знаете, я, наверное, неправильно воспитываю своих сыновей. Я считала, что должна дать им все — положение, деньги, образование, квартиру... У меня ведь в жизни было не так — мои родители не могли мне помочь, и я старалась сама добиться успеха, положения. Иногда по пути делала кучу ошибок, некоторые из них до сих пор непоправимы... И я сказала: я дам своим детям все для того, чтобы стартовые условия позволили им осуществить свои мечты. В этом моя ошибка, потому что, наверное, человек все-таки должен сам прийти к тому, что будет иметь. А чем легче все дается, тем меньше это ценится. У меня сейчас уходит много времени и сил, чтобы дети оценили то, что я для них делаю, потому что они буксируют, упускают время, возможности. Я безумно люблю своих сыновей, и их страдания для меня — удар ниже пояса. Хотя, что я на них накинула? Мой старший сын Александр учится в университете, работает, а младший Михаил учится в испанской школе, серьезно занимается баскетболом... Они у меня такие хорошие — лучшие на свете. Я, наверное, слишком допекаю стар-

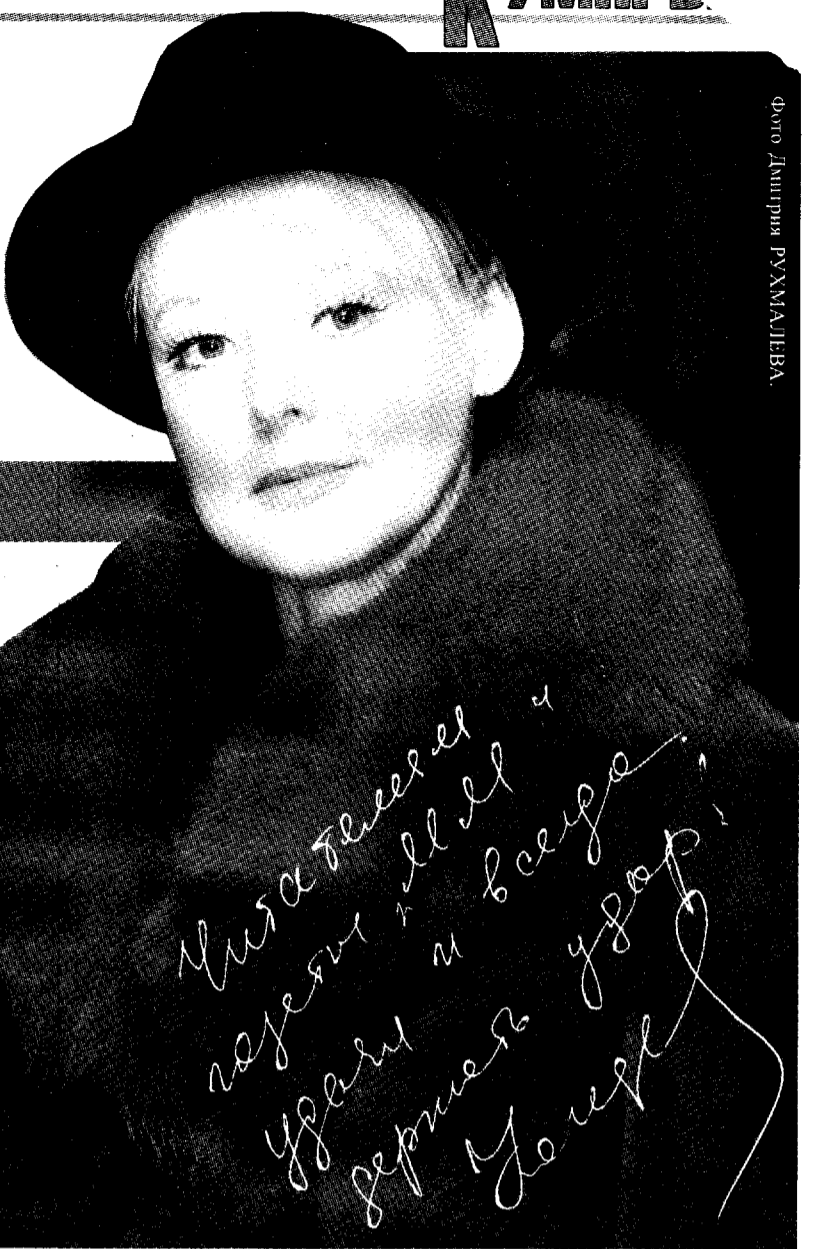

фото: Дмитрий Рухманов

шего своей заботой, и его это начинает раздражать — нельзя этого делать. Но ведь у нас какое время: наркотики, алкоголизм, поэтому я его не отпускала от себя ни на шаг. Сейчас я поняла, что самое главное — мозги — я в него заложила, теперь надо его от себя отдалить.

— Вы, наверное, свекровью будете очень мудрой.

— Да, потому что я сама когда-то нахлебалась вдоволь со своими свекровьями! Мужья у меня были хорошие, и в моих разводах, я считаю, виновны именно свекрови. Просто они меня не воспринимали, ревновали к сыновьям. И потом, как это так — такая развратная женщина для моего самого лучшего на свете сыночка!

— А на самом деле вы какая? Развратная, скромная или разная?

— А на самом деле я очень целомудренная, даже где-то зажатая.

— Знаете, а это видно.

— Особенно было видно в молодости, когда я еще не понимала, что мне многое дано от Бога. Но я никому не решалась показать свои стихи, музыку, потому что это ведь Москва!

— Значит, и вам пришлось пережить все провинциальные комплексы? Особенно, если вспомнить, что вы деревенская девчонка?

— Конечно! Я ведь боялась даже в институт поступать! Я не представляла себе, как на сцене можно было признаться в любви, целоваться — это ведь ужас! Просто так получилось, что у меня умерла мама, у меня не было денег, зато был ребенок, с которым я осталась совсем одна. И тут мне предложили роль в фильме, но предупредили, что мне надо будет раздеться. Я долго мучалась, а потом подумала: «Ай, будь что будет!» Или в омут, или надо как-то выживать. Это были «Сто дней до приказа». И когда я разделась, я освободилась. Хотя коллеги долго меня не понимали, руки при встрече не подавали. А сейчас я с удивлением отмечаю, что даже интеллигенция в открытую заговорила об эротике, о сексе.

— Очень распространенная ситуация: сын находит себе жену, похожую на свою мать. Вот приведет ваш Саша девочку, вы посмотрите и скажете: «Господи, да ведь это я в молодости». Разрешите жениться или запретите?

— Конечно, разрешу.

— Значит, для себя вы все-таки хорошая?

— Конечно, хорошая! Достоевский ведь тоже описывал с огромной любовью именно таких женщин, показывая через них настоящий русский характер на грани между святостью и трехом.

— Я, говоря с вами, вижу, что вы

православная. А читая ваши более ранние интервью, отметила что-то от язычества: культ тела, возрождение праздников Ивана Купалы...

— Да, и это есть — во мне вообще много чего намешано — моя родня по маме православные, а по папе — лютеране.

— Слушайте, так ваша фамилия — не от мужа?

— Нет, это моя девичья фамилия. У меня в роду и финны, и шведы.

— Чего-то в жизни еще хочется для себя?

— Очень много. Особенно не хватает любви — я вам честно скажу. В молодости как: ты часто влюбляешься, в тебя часто влюбляются, а ты все чего-то ищешь, все рассматриваешь по большому счету... А женщинам в возрасте хочется уже просто чего-то бабьего счастья. И часто они говорят: да мне ж ничего не надо: ты просто цветочек подари, скажи, что любишь — и все. Понимаете меня?

— Понимаю. И еще: вы сказали, что сами всего добились. А как отнесите к везунчикам?

— Я им удивляюсь.

— А разве так бывает? Вот мне обидно: я боюсь, а им — все само в руки!

— Я, к счастью, лишена такого чувства, как зависть: у каждого свой путь, каждый отработывает свою карму. Наоборот, я с удивлением узнала, что мне завидуют и меня ненавидят. Вот, казалось бы, чего мне завидовать — старая кобыла!

— Ой-ой, нельзя так с журналистами — мы ведь и написать можем!

— (Смеется). Ну и пишите, что здесь такого?

— Если честно, чему вы будете учить молодых девчонок, скажем, собравшись на кухне с чашкой чая: «Девчонки, будьте стервами — берите от жизни все!» или: «Девочки, жить надо по совести!»?

— В молодости я не понимала, почему, если мужчина сводил меня в ресторан, я должна продолжать с ним вечер? Оказывается, это называлось «динамит», и меня так все называли. Поэтому в своей Партии любви я собрала фракцию динамиток. Так что сами думайте, чему я буду учить молодых девчонок (смеется). Но, конечно же, всем им я желаю женского счастья, исполнения всех желаний, а главное, чтобы женщины выполнили свое основное предназначение — родили ребенка.

— И вам бы еще дочку родить, думаю, это будет самая мудрая девочка на свете — с такой-то мамой. Не хотите?

— (Смеется). Хотеть-то можно. Если бог даст — будет и дочка.

Рита ДАВЛЕТШИНА.